

Лисовой Николай Николаевич

доктор исторических наук

Назаренко Александр Васильевич

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
руководитель Центра истории религии и церкви, Институт
российской истории Российской академии наук*

Адрес: 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

E-mail: avnazarenko-hist@yandex.ru

Апостолам равная (фильм о святой великой княгине Ольге)

Публикуемый ниже сценарий фильма о святой равноапостольной княгине Ольге был завершен Н.Н. Лисовым не позднее 6 апреля 2005 г. В основу сценария положен текст, опубликованный Н.Н. Лисовым с использованием материалов его ближайшего друга д.и.н. Александра Васильевича Назаренко в 2007 г. в альманахе «Клиония». В сценарии Н.Н. Лисовой реконструирует и саму эпоху, и конкретные события жизни св. Ольги, особенно подробно – время, проведенное в июле – октябре 969 года св. Ольгой в Константинополе. Николай Николаевич, учитывая особенность сценарного жанра, как бы переносит читателя (чтобы режиссер фильма смог перенести зрителя) в Константинополь 969 г., описывая не только достопамятные места, посещенные св. Ольгой, но и живописуя характеры, слова и поступки святой и ее собеседников.

Ключевые слова: святая Ольга, равноапостольная Ольга, Лисовой Н.Н., Киевская Русь, Крещение Руси.

Эпизод 1. В дальнюю дорогу

Киев, берег Днепра

В июне 957 г. в Почайне, днепровской затоке, служившей гаванью Киева, царило необычайное оживление.

Уже давно повелось, что каждый год в это время здесь собирались купеческие ладьи из многих русских земель, чтобы затем большим общим караваном отправиться на заветные рынки Царьграда – «царствующего града» Константинополя, столицы Византийской (правильнее – Ромейской, т. е. Римской) империи. Но на этот раз в обычную суету, сопровождавшую оснастку и загрузку ладей, их подготовку к более чем месячному опасному, сначала речному, а затем морскому, плаванию, примешивалась какая-то особенная молчаливая строгость и торжественность. Толпившийся на берегу народ переговаривался, разглядывая сверкавший на летнем солнце корабль, который явно отличался от прочих и размерами, и узорочьем богатой отделки, и яркой цветистостью парусов дорогого греческого шелка. То была ладья киевской правительницы Ольги, которая, поговаривали, собиралась самолично отплыть с караваном – дело удивительное, невиданное.

Хаживали, и не раз, русские князья на Царьград войною, и вот уже почитай как сто лет назад, при князе Аскольде, и при убитшем Аскольда Вещем Олеге, и не так давно при Игоре, заключали с ромейскими царями выгодные договоры, обеспечивавшие русским купцам беспошлинную торговлю в империи, но стены Царьграда оставались неприступными, и никогда еще нога русского князя не ступала на землю столицы христианского мира. И вот Ольга... Умна, властолюбива, дальновидный и хитрый политик, перехитрит любого, что бы ни затеяла – все неспроста. Хорошо знали киевляне свою княгиню, и потому сердца их сжимались от предчувствия чего-то небывалого, пугающего и одновременно манящего своей новизной.

Эпизод 2. Псковитянка

Псков, Выбуты, река Великая

Имя будущей княгини и родину ее «Повесть временных лет» впервые называет в статье о женитьбе Игоря: «И привели ему жену из Пскова, именем Ольга».

О происхождении нашей героини существует множество догадок. Но только догадок. Ее считали славянкой – из простых («перевозчица на реке Великой», согласно «Степенной книге») или из князей (из Изборска или даже из Тмутаракани – по одному более позднему источнику). Называли княжной болгарской (из Плиски, звучащей так похоже на Плесков – Псков) или балтийской (литовского происхождения, по Н.И. Костомарову, или латгальского, по О.В. Творогову). Приписывали даже кельтскую родословную (А.Г. Кузьмин).

А была она роду варяжского – видимо, дочь одного из викингов Вещего Олега, может быть, и его родственница. И звали ее скандинавским именем Хельга, в русском «окающем» произношении – Ольга, Вольга. Женское имя Ольга соответствует мужскому Олег (Хельги), что значит «святой». Конечно, языческое понимание святости отличается от христианского, но и оно предполагает в человеке особый настрой, ум и прозорливость. Раскрывая значение имени, народ Олега назвал Вещим, Ольгу – Мудрой.

В окрестностях Пскова масса названий связана с памятью великой землячки. Предания называют ее родовым именем село Выбуты, в нескольких километрах от города вверх по реке Великой. Еще недавно во Пскове главный мост у Крома назывался Ольгин мост – в память о древней переправе, где Ольга встретила, по легенде, с Игорем. В начале XX столетия художник Кондратенко успел запечатлеть места, осененные на Руси памятью и славой святой Ольги: деревни *Ольженец* и *Ольгино Поле*, *Ольгины Ворота* – один из рукавов Великой, *Ольгина гора* и *Ольгин Крест* – близ Псковского озера, *Ольгин Камень* – у села Выбуты.

Эпизод 3. Мечь конунгини

Украина, Житомирская область

Но киевляне знали ее уже другой – женой воинственного Игоря и матерью его наследника на киевском столе – князя Святослава. Святославу было всего лишь четыре-пять лет от роду, когда он осиротел: в 946 г., во время полюдья (осенне-зимнего сбора дани с подвластных Киеву славянских племен) в земле древлян, лесном краю за рекой Тетеревом, был убит Игорь.

Казалось бы, перед лицом древлянского восстания, за которым последовало отпадение от Киева и некоторых других племен, древнерусское государство и его малолетнего князя ждут тяжелые времена. Бразды правления пришлось взять в руки молодой княгине. Женщина на княжьем столе!

Положение выглядело настолько шатким, что древлянскому князю Малу пришла в голову дерзкая мысль самому овладеть Киевом, женившись на вдове Игоря. И тут впервые по-настоящему проявился характер Ольги. Все двадцать древлянских послов, прибывших в стольный город Руси со сватовством от своего князя, были преданы жестокой казни, а во время последовавшего затем похода на древлян, который возглавила сама княгиня, их главный город Искоростень был сожжен, племенная знать истреблена, а вся территория древлян обложена регулярной данью.

Овручский уезд Волынской губернии (нынешняя Житомирская область) – район древнего Коростеня, столицы древлян, – другое сгущение топонимов и легенд, связанных с Ольгой. Но колорит и тон их другой – недоброжелательный, зловещий. Пройдет почти тысяча лет, а тамошние потомки древлян, перевирая события и явно путая Ольгу с нелюбимой украинцами Екатериной II, будут рассказывать у кургана Игоря заезжим фольклористам: «Та, Ольга, пришла з своими москалями, мужа своего, Игоря, вбила...» (из записей Н.И. Коробки, 1901).

Но что реально стоит за «дерзостью» Мала и жестокостью Ольги?

Древние политические нормы всегда имеют сакральную основу, органично вплетены в языческий религиозный обряд. Княжеские родины, постриги (инициации), настолования (интронизации), браки, изнасилования – все, вплоть до могильного кургана, обнаруживает, при большей или меньшей сохранности, исконные черты ритуала.

Вражда и дружба, верность союзнику и унижение противника, каждый акт политического волеизъявления должен был быть запечатлен не письменно только, в договорных хартиях, а куда более весомо и непосредственно – кровью, в генетике. Так возникает – на Руси, в Скандинавии, в других

традициях – институт ритуальных, «трофейных» жен и рождаемых от них бастардов и «робичичей».

Мал заплатил головой за неудачную попытку получить в жену Ольгу – вдову убитого им Игоря. Но сама попытка объясняется не тем, что был Мал удал, «сластолюбив» или влюбчив, – он *не мог* поступить иначе, не попытаться овладеть ею. Субъективно: его не поймут ни собственные дружинники, ни старцы-законодатели, его не будет уважать народ. И объективно: победа над Игорем не будет *считаться* полной и даже – на магическом плане – *не будет* полной. Овладеть землей князя – для этого необходимо овладеть и Женщиной, представляющей, персонифицирующей эту землю. Англичане до сих пор королеву называют Queen – собственно «Женщина». Только она и женщина, только она и представляет свою землю.

История Ольги, Игоря и Мала уводит нас к эпическим нравам славянско-германской древности, когда невестой, даже при мирном сватовстве, требовалось непременно овладеть силой (Зигфрид и Брюнхильда), когда незадачливых женихов запросто – по простейшему ритуалу! – сжигали в банях (Сигрид Гордая в Швеции, Ольга в Киеве), а за убийство мужей конунгини мстили уничтожением целых городов (гибель древлянского Искоростеня, месть Кримхильды в «Песне о Нибелунгах»).

Эпизод 4. Реформа

Киев, Новгород, Чернигов

Но княгиня отлично усвоила уроки древлянской «революции». Добившись укрепления власти великого князя, ослабив влияние местных «суверенитов», она централизовала управление. Не ограничиваясь древлянской землей, Ольга произвела реформу взимания дани, т. е. государственного налога того времени, во всех землях, входивших в состав Руси, покрыв ее сеть погостов – административных пунктов, куда в урочное время свозилась дань.

Будучи первоначально, по самому смыслу слова, центрами торговли и обмена («гость» – купец), собирая и организуя вокруг себя население, Ольгины погосты, сделавшиеся финансово-административными и судебными центрами, стали важнейшей ячейкой этнической и культурной консолидации русской нации. Стремясь все контролировать лично, княгиня объездила – при тогдашних-то дорогах! – чуть ли не всю Русь, от Новгорода до Черниговщины, а псковичи, земляки княгини, и полтора столетия спустя с гордостью сохраняли как святыню сани, в которых Ольга совершала свои разъезды.

Много трудов положила княгиня на усиление оборонной мощи страны. Города застраивались и укреплялись, Вышгороды (или Детинцы, Кромы) обрастали каменными и дубовыми стенами (забралами), ошетинились валами, частоколами. Сама княгиня, зная, сколь враждебно относились многие к идее укрепления княжеской власти и объединения Руси, жила постоянно «на горе», над Днепром, за надежными забралами киевского Вышгорода (Верхнего города), окруженная верной дружиной. Две трети собранной дани, по свидетельству летописи, она отдавала в распоряжение киевского веча, третья часть шла «к Ольге, на Вышгород» – на нужды ратного строения.

Богатырские заставы на юге сторожили мирные нивы киевлян от народов Дикого поля. Чужеземцы спешили в Гардарику («страну городов»), как называли они Русь, с товарами и рукодельями. Шведы, датчане, немцы

охотно вступали наемниками в русское войско. Ширятся зарубежные торговые связи Киева. Это способствует развитию каменного строительства в городе, начало которому положила княгиня Ольга. Первыми каменными зданиями Киева были городской дворец и загородный терем Ольги – в нашем веке фундаменты их были раскопаны археологами.

Эпизод 5. Выбор веры

Киев, Константинополь, Черное море

В этих заботах прошли десять лет, в течение которых Русь не только не ослабела, но заметно окрепла. Подрастал Святослав, близилось время, когда княгиня должна была передать власть возмужавшему сыну и его воеводам... а самое главное еще не сделано.

Природная прозорливость, державный инстинкт и что-то еще, вещавшее из глубины сердца, подсказывали правительнице, что корень величия Византийской державы, Ромейского царства, приковывавшего к себе взоры всего мира, не только в войске, не только в несметном богатстве, не только в седой римской старине, а прежде всего в Церкви, которая одна и делала византийского императора царем всех христиан. А потому и Руси не быть никогда великой, крепкой и святой, если не войдет она в лоно Христовой церкви.

...Почти двести лет стучалась языческая Русь в ворота православной Византии – от похода и крещения князя Бравлина в Суроже (795 год) до крещения киевлян Владимиром в 988 году. Сколько раз казалось, что близко торжество христианства, потом вновь налетали с севера холодные ветры язычества. Аскольд был христианин, Вещий Олег – воинствующий язычник. В последние годы правления Игоря христиане становятся значительной духовной и государственной силой в Русском государстве. О том свидетельствует договор Игоря с греками 944 года, включенный летописцем в «Повесть временных лет». Договор утверждался обеими религиозными общинами Киева. «Русь крещеная», то есть христиане, приводилась к присяге в существовавшем уже тогда в Киеве храме Ильи Пророка на Подоле. «Русь некрещеная», язычники, клялись на оружии в святилище Перуна. Факт, что христиане поставлены в документе на первое место, говорит о многом.

Но Игорь не принял крещения – не захотел или не решился. И Ольга понимала, что огромное дело крещения державы нельзя начать иначе, как с ее, княгини, личного примера, с ее собственного крещения.

Можно было принять крещение и в Киеве. Но что-то мешало княгине пойти этим самым простым путем. Грандиозности задуманного ею отнюдь не соответствовал бы скромный обряд в небольшой деревянной купеческой церкви, осуществленный безвестным священником. Правительницу будущей великой Руси должен был ввести в Церковь не кто иной, как цареградский патриарх, и не где-либо, а только в константинопольском соборе Святой Софии, главном храме тогдашней христианской ойкумены, и восприемником ее от купели крещения не мог быть никто, кроме самого императора.

Великое дело, страшное. Вот почему так долго откладывала его бесстрашная Ольга. Но долее откладывать было уже невозможно. И вот княгиня отправлялась в Царьград. И хотя о ее прибытии в несколько обескураженном такой неожиданностью Константинополе знали, отправлялась она, в сущности, в неизвестность.

Эпизод 6. Из варяг в греки

Плавание по Днепру и вдоль черноморского берега

Труден путь к Царьграду: вниз по Днепру, через пороги, по которым ладьи не раз приходилось перетаскивать волоком и у которых вечно подстерегали разбойные печенег, затем по морю вдоль побережья, по которому караван преследовали все те же печенег в надежде, что буря выбросит на берег ту или другую ладью (и тогда приходилось приставать всем, чтобы защитить своих), и так до самого дунайского устья. Лишь миновав его, можно было вздохнуть свободнее.

Но княгиня не думала об опасности, не замечала проплывавших мимо родных днепровских берегов, мысленно она была уже там, на берегах далекого Босфора, еще и еще раз представляя себе, как ступит, что скажет, чтобы и чести не уронить, и делу не навредить.

А дело было трудное, не знаешь, как и подступиться. Ведь не о княгине только шла речь – о всей Руси. И это так или иначе чувствовали все – уж больно велика была свита Ольги, занимавшая не один корабль: кроме ее собственных ближних боярынь и охранной дружины здесь были и послы от всех членов многочисленного княжеского семейства, по одному от каждого, и сразу несколько послов юного Святослава, и купцы, да все-то непростые, из лучших. Адулб, Ингивальд, Улеб еще при Игоре ряздились с греками, с тех пор уже много лет сами в Царьград не хаживали, посылали с товарами своих людей, а тут тряхнули стариной. По всему видно – быть у Руси новому договору с ромеями.

Эпизод 7. Языческие жертвы и христианские молитвы

Варяжский остров

Пороги миновали благополучно, прибыли к Варяжскому острову, который христиане именовали островом святого Георгия. Здесь позволено немного отдохнуть. Купцы, послы, среди которых выделялись своей важностью люди Святослава, бесчисленная челядь благодарили богов: по обычаю молились вокруг священного дуба, втыкая в землю мечи и стрелы, жгли костры, приносили в жертву петухов.

Но Ольга не приняла участия в общей радости; не покинув корабля, она предпочла беседу со священником Григорием, болгаринном, уже давно жившим и служившим в Киеве, которого благоразумно захватила с собой и всю дорогу расспрашивала о христианской вере, о церковной службе, о ромейских обычаях.

Через четыре дня караван достиг устья Днепра. Здесь еще один остров, где снова небольшая остановка, во время которой в течение трех дней суда переоснащали для морского плавания. Бывалые люди показали княгине рощицу, а в ней – небольшой мраморный столп с крестом: говорят, там похоронен владыка Эферий, назначенный епископом в Херсонес (порусски – Корсунь) еще чуть ли не при великом царе Константине, что первым принял святую христианскую веру. Отправившись в путь из родного Иерусалима, Эферий так и не доплыл до далекого Херсонеса, но херсонеситы-корсуняне чтут его память в числе семи святых епископов корсунских, а сам остров именуют островом святого Эферия.

О Корсуне и тамошних святынях Ольга была уже немало наслышана от корсунских купцов, ежегодно бывавших в Киеве, – особенно же о мученике

Клименте, одном из первых епископов самого Рима, чьи мощи были обретыены здесь сто лет назад посланцем императора Константина. Потом же, как уверял княгиню Григорий, именно Константин со своим братом Мефодием перевел на славянский язык божественные книги, по которым сейчас служат в Болгарской церкви, да и сам Григорий в Киеве. А ведь Корсунь – это, почитай, уже почти Русь. Как ладно, одно к одному, складывается все в деле Господнем! И от этой мысли делалось Ольге легко и радостно, она чувствовала себя соучастницей великого дела.

Эпизод 8. Прибытие

Стамбул, бухта Золотой Рог

Июльский Царьград встретил путешественников жарой, которая усугублялась безветрием, так что приходилось идти на веслах. Под мерные их всплески корабли медленно приближались к городу.

Много восторженных рассказов приходилось слышать о нем Ольге, но величественность как бы выраставших из моря гигантских древних стен, которые по правую руку, в направлении залива, уходили далеко за горизонт, а за ними – тонувший в зелени садов холм Акрополя глубоко поразили ее. Зато сам залив Золотой Рог, который русские варяги по-своему прозывали Сүдом (от древнескандинавского *sundr* – «гавань»), оказался не шире родного Днепра под стенами Киева. Квартал вокруг обители святого мученика Маманта, в котором располагалось русское подворье, находился на северном, противоположном Константинополю берегу Золотого Рога. Здесь, близ подворья, были отведены покои и княгине с ее спутниками.

Уже на следующий день один за другим прибыли чиновник из ведомства логофета дрома, отвечавшего во дворце за приемы иностранцев, и иеромонах из постоянного патриаршего синода. Как политик Ольга прекрасно понимала, что для пользы дела переговоры с императором следует начинать уже в ранге христианской правительницы и потому прием во дворце лучше отложить до крещения. На том и порешили. Распорядок Константинопольской церкви – так объяснил посланец патриарха – требовал от крещаемого сорокадневного оглашения.

Июль уже клонился к концу, и потому было сочтено за благо не терять времени и приступить к оглашению уже через несколько дней, 30 июля, чтобы успеть с крещением к 8 сентября – празднику Рождества Пресвятой Богородицы. Тем более что тогда 30 июля новооглашенная княгиня смогла бы присутствовать при церемонии «происхождения» Честного и Животворящего Креста Господня – торжественного изнесения креста из царской ризницы и возложения его на престоле собора святой Софии.

Эпизод 9. Первый праздник

Стамбул, храм святой Софии

Рано утром в четверг, 30 июля, в сопровождении всех русских послов и ближних боярынь и под охраной своих же русских, но уже крещеных воинов, которые входили в корпус царской дворцовой стражи и были специально выделены императором ради безопасности русской гостьи, княгиня Ольга переправилась через Золотой Рог и через ближайšie,

Друнгариевы, ворота была доставлена на Августейон – центральную площадь Константинополя, на которой и расположен собор св. Софии. Здесь, у южных дверей, в торжественном облачении ее приветствовал один из синодальных архиереев. Затем он просил княгиню и ее спутников преклонить колена на ступенях храма – разом громыхнуло оружие охраны, и настала полная тишина. Владыка трижды перекрестил всех и негромко, но внятно прочитал краткую огласительную молитву. Опытный толмач, наклонившись к уху княгини, быстро шептал: «Благословен еси, Боже наш... всякое естество словом Твоим создавай... спаси рабу Твою... сопричти ее к стаду Твоему...» – сердце Ольги колотилось от волнения, так что она слышала только отдельные слова. Закончив молитву, архиерей отложил приличествовавшую моменту серьезность и с ласковой улыбкой объяснил Ольге, что теперь она на пути к святому крещению, что ей и ее людям надобно теперь почаще бывать на церковных службах и что по четвергам он сам будет приходить к ней для наставления в вере.

Вскоре с пением особого канона – «Крест предгрядый божественный» приблизился крестный ход. Вслед за многочисленным духовенством и вместе с народом княгиня вошла в собор, где царский крест был встречен самим патриархом.

По окончании службы Ольга еще долго ходила по собору, рассматривала, расспрашивала. Синий купол с изображением Вседержителя высок и огромен, как небосвод, свет мягко льется сквозь бесчисленные подкупольные окна, а мраморных колонн и не счесть, да каждая, говорят, стоит на святых мощах и на верху каждой, под узорными капителями, тоже вделаны мощи. В алтаре (не видать) сокрыто само Животворящее Древо – Крест Спасителя, обретенный в Иерусалиме святой царицей Еленой, матерью Константина Великого. Зато хорошо виден над алтарной преградой образ Пресвятой Девы с Предвечным Младенцем на руках, велик и чуден, весь – лазурь и золото.

Незабываема первая литургия в Софийском соборе¹ (Лисовой, 2001): море света, благоухание, золото торжественных облачений духовенства, дивное пение, уносившееся под купол... И так поразившие Ольгу в умелом переводе пресвитера Григория уже самые первые слова архидиакона: «О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех Господу помолимся».

О «мире *всего* мира» – значит, и о ее Руси молятся в столице империи?

«О граде сем, *всяком* граде, стране и верою живущих в них Господу помолимся».

И это о ней, Ольге, и о Руси – нынешней и той, будущей, «с верою живущей»?

Как страшно и дивно и как еще страшней и дивней делалось оттого, что там, за колончатой преградой алтаря, патриарх молился у гроба того, кто когда-то сочинил эти изумительные слова, – святителя Иоанна Златоуста.

¹ Софийскому собору в Константинополе отводится центральное место в очерке Н.Н. Лисового о Константинополе в составленном им сборнике о Риме, Константинополе и Москве.

Эпизод 10. Царственные игры

Стамбул, храм святой Софии, ипподром

А потом были великолепные торжества в честь праздника Преображения Господня с пышным царским выходом из Большого дворца на богослужение в св. Софию, куда по такому случаю русская княгиня была приглашена самим императором.

Стоя на отведенном ей и ее спутницам почетном месте на хорах, Ольга могла хорошо рассмотреть царей – василевса Константина, высокого, немного сутулого, с длинной черной бородой, и его сына и соправителя юного василевса Романа. Из храма торжественная процессия направилась на расположенный поблизости ипподром, где ради Преображения состоялись праздничные игры и где ложа княгини снова находилась неподалеку от царской.

Многотысячная пестрая толпа, наполнявшая гигантский цирк, в длину превышавший размеры Киева внутри его городских стен, сарацинский военачальник, поверженный в прах перед ложей торжествующего императора, пестро украшенные возничие, кони, колесницы, взметавшие на поворотах гравий арены, возвышавшийся в центре граненый столп-обелиск с диковинными картинками-письменами, доставленный при царе Феодосии из самого Египта, откуда вывел свой народ пророк Моисей и где был укрыт от ярости Иродовой в младенчестве Сын Божий, – все это напоминало какую-то сказку, и всякому становилось ясно, что если есть у мира центр и средоточие, то только здесь, только в царствующем граде Константина.

Эпизод 11. Чудеса Царьграда

Стамбул, Влахерны, Хора (Кахрие-Джами), Живоносный источник (Балаклу)

Не прошло и десяти дней, как за Преображенскими торжествами последовали Успенские. И снова праздничный царский выход, но на этот раз уже не в близкую ко дворцу Софию, а в дальнюю, на самой северной оконечности города, во Влахернах, церковь Положения ризы Пресвятой Богородицы (*Лисовой, 2001. С. 283–286*).

Много в Царьграде храмов, посвященных Богоматери, но этот особенный. Когда-то давно царица Пульхерия, супруга царя Маркиана, вложила сюда переданные иерусалимским патриархом Ювеналием погребальные пелены Пресвятой Девы. Чуть позднее к ним добавились и другие святыни – риза и пояс Богоматери, также привезенные из Иерусалима и запечатанные в особый ковчег. Стех портю только однажды ковчег покидал стены Влахернского храма – в лето 6368-е от сотворения мира, а от воплощения Слова – 860-е, когда через Босфор прорвались ладьи киевского князя Аскольда, угрожая самому Константинополю, он был патриархом Фотием изнесен на стены столицы, с молитвами обнесен вокруг хранимого Пречистой города, на время положен в св. Софии и возвращен во Влахерны лишь после того, как русские корабли разметала внезапная буря.

А сколько хожено Ольгой по городу после Успения! Почти всегда неутомимая княгиня шествовала пешком, забыв о плывущих следом носилках (подарке императора) и терзая дотошными расспросами своего греческого проводника. Совсем рядом со св. Софией – церковь св. Ирины, где

почивают мощи великомученицы, ученицы апостола Тимофея, который был учеником самого апостола Павла, храм столь же древний, как и Софийский, и почти столь же велик.

Если же по главной улице Царьграда, именуемой Меса – «Срединная», с обеих сторон окаймленной колоннадами портиков, в которые выходили двери неисчислимых торговых лавок, двинуться прочь от Августейона, то первым делом попадешь на площадь, или форум, св. Константина Великого с высоким столпом Константина, наверху которого сокрыты гвозди Креста Господня, а внизу – искусно вырезанные изображения, среди них и четверо сыновей равноапостольного царя. Близ форума небольшая церковь св. первомученика Стефана, где и мощи его – десная рука, в серебро окована. Далее еще более просторный форум императора Феодосия, причем Меса проходила прямо под громадой Феодосиевой триумфальной арки. Далее опять форум – Капитолий, миновав который вскоре придешь к старинной церкви святых Двенадцати Апостолов.

Велик и чуден храм, исполнен, как и весь Царьград, святынями. Здесь показали Ольге столп, к которому был прикован Спаситель во время бичевания в Иерусалимской претории, и маленький, каменный же, столпец, не выше большого пня, на котором плакал апостол Петр в Страстную ночь, выйдя со двора первосвященника. Но не менее чудны показались ей и стоявшие за алтарем бесчисленные резные каменные раки – гробы ромейских царей и цариц, начиная от самого св. Константина; вместе с ним, сказывают, в одном гробу покоится и мать его св. Елена, с памятью о которой княгине уже столь часто приходилось сталкиваться в своих хождениях по Царьграду.

Уклонясь от Месы почти уже под городской стеною в сторону Влахерн, узкая улочка вела к небольшому монастырю в Хоре, известному тем, что в нем почивали мощи патриарха цареградского Германа, защищавшего святые иконы от гонений иконоборцами.

Самая прославленная святыня из лежащих за городскими стенами – это церковь Пресвятой Богоматери у Живоносного источника (Лисовой, 2001. С. 282–283), по-гречески – в Пиги. Здесь Пречистая явилась царю Льву I, строителю храма, еще до восшествия его на престол; с тех пор от освященных этим явлением вод происходили и происходят исцеления.

А сами стены царствующего града, разве они не достойны изумленного внимания? Тройные – каждая следующая выше предыдущей, – они ни разу не пали под натиском многочисленных врагов. Между стенами – просторные проходы для защитников города, сто башен у одних только Феодосиевых стен, ворота в них крепкие, кованные железом. Самые дальние из них на полдень – Золотые, главный вход в столицу, сами напоминают небольшой город.

Близ них, уже внутри стен, расположена церковь святого мученика Диомида, главным сокровищем которой была трапеза Тайной Вечери – стол, за которым Господь, в последний раз собрав учеников, дал им впервые вкушать Хлеб и Кровь Нового Завета – установил таинство Евхаристии. Ольга не знает, что через 250 лет, после того, как крестоносцы возьмут и разграбят Царьград, святая столешница будет перевезена за море, чтобы украсить один из соборов папского Рима...

На расстоянии полета стрелы от церкви Диомида лежал, наверное, самый славный монастырь Константинополя – Студийский, в честь св. Иоанна Предтечи. Настоятель проводил почетную гостью в соборный храм, вместе поклонились святым мощам Крестителя... (Сегодня от монастыря – только строй полуразрушенных колонн да мозаики на полу).

Эпизод 12. Крещение

Стамбул, собор святой Софии

Вот приблизилось и 8 сентября, Рождество Пречистой. 40 дней пролетели, как один, – так полны они были новыми впечатлениями, обостренными непривычным для Ольги постом.

После праздничной литургии патриарх Полиевкт вышел в софийскую крещальню, располагавшуюся в западной паперти собора, справа от входа, где в соседних предуготовительных помещениях его уже ожидали русская княгиня и ее спутники. Патриарх, седобородый, немного усталый, но с внимательным, даже цепким взглядом, показался Ольге суховатым. Но когда новокрещаемая твердо прочла по-гречески выученный наизусть Символ веры, в глазах патриарха мелькнула удивленная улыбка, а в конце, обращаясь к княгине с прочувствованным словом, он был явно растроган: «Благословенна ты в женах русских, яко возлюби свет, а тьму остави, и благословят тя сынове русские в последний род внук твоих».

В глазах у Ольги набежали слезы. «Она же, – говорит Нестор Летописец, – склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись патриарху, промолвила: «Молитвами твоими, Владыко, да сохранена буду от сетей вражеских».

Именно так, со слегка наклоненной головой, изображена княгиня на одной из фресок киевского Софийского собора, а также на современной ей византийской миниатюре – в лицевой рукописи «Хроники Иоанна Скилицы» из Мадридской Национальной библиотеки.

Посаженными отцом и матерью при крещении выступала императорская чета, которую во время обряда представляли царский паракимомен (дословно – «спящий рядом»; так назывался императорский спальник, начальник над всем дворцовым персоналом, отвечавший также за безопасность царствующего семейства, один из самых доверенных людей императора) и зоста («препоясанная»; высший женский придворный чин при императрице).

Это значило (таков был обычай), что крещаемая получала имя своей крестной матери, царицы Елены, супруги порфирородного Константина. Такого ненавистника русских, каким был император Константин Багрянородный, непросто было заставить сделаться крестным отцом «архонтиссы Руси». Видно, не зря так жарко молилась Ольга святой царице Елене!

Теперь княгиня готова была на равных говорить с василевсом.

Эпизод 13. Переговоры на высшем уровне

Стамбул, императорский дворец

Прием в Большом императорском дворце состоялся уже на следующий день, 9 сентября. Русскую княгиню сопровождали прибывшие из дворца чины, среди них и знакомые ей по вчерашнему паракимомен и зоста. Предстоял неблизкий церемониальный путь вдоль Феодосиевых стен, парадный вход через Золотые ворота и далее по уже хорошо знакомой Месе, вдоль которой с копьями в руках стояли воины столичной тагмы. И вот ворота Большого дворца, который греки называли Магнаврой.

Чин приема был оговорен заранее. Сначала официальное представление царю Константину и его сыну-соправителю Роману в главном парадном

зале Магнавры. Ольга вошла в зал первой, следом шествовали несколько ее родственниц и ближние боярыни, затем послы и купцы – великое множество, всего около сотни человек! Император восседал на парадном Соломоновом троне, играла музыка. По знаку логофета все вошедшие пали ниц перед троном – все, за исключением княгини, которая лишь почтительно склонила голову. Таков был уговор.

Константин через логофета осведомился о здоровье архонтиссы, ее сына и всех бояр. Выслушав переводчика, Ольга вежливо отвечала, заключив, в свою очередь, вопросом о здоровье царя и его семейства. Логофет доложил, что государи Божией милостью здравы, и подал знак к окончанию приема.

Снова музыка, земные поклоны. Пора представляться царице в зале Юстиниана, куда княгиню провели через дворцовую оранжерею и ряд каких-то других залов. В Византии строго соблюдались законы гинекея – женской половины дворца. В зал Юстиниана вошли только Ольга и сопровождавшие ее женщины.

На возвышении, покрытом пурпурным шелком, восседала василисса Елена на троне, рядом – ее невестка, юная супруга Романа. По сторонам трона рядами стояли придворные дамы, разбитые на семь титулованных разрядов, принадлежность к которым выдавали особые наряды. Короткий обмен официальными любезностями через препозита (главного евнуха женской части дворца) – и представление закончено.

После небольшого отдыха княгини в особых покоях в том же Юстиниановом зале императрица давала в честь русской гостьи обед, во время которого княгиня сидела за одним столом с обеими зостами, рядом со столом царицы. Придворный хор пел василикии – величания августейшей хозяйке, и чинность происходившего лишь немного нарушили явившиеся на время плясуны и акробаты в пестрых одеждах. Император в это же время пировал вместе с мужской частью Ольгиной свиты в Золотом зале (Хрисотриклине).

По завершении обоих обедов в особом зале для завтраков, Аристирии, был накрыт стол для десерта в украшенных драгоценными камнями чашах – честь для чужестранки необычайная. Здесь правительница Руси оказалась в кругу императорского семейства и могла наконец высказать Константину лично свои заветные мысли, которые вынашивала так долго: о том, как много может значить христианская Русь для империи, став верным союзником против диких печенегов, венгров и даже (кто знает!) болгар; о том, что русских воинов на византийской службе могло бы быть много больше, чем сейчас, по договору с покойным князем Игорем (а ведь постоянная война с сарацинами на востоке, юге и западе, от Евфрата до Сицилии, требует войска); о том, что и торговля может быть обширнее и выгоднее, если империя даст Руси закрепиться в Корсунской земле и Днепровском устье, в Белобережье; о том, что крещение ее, Ольги, надо довершить крещением всей Руси, а для этого не может быть лучшего средства, чем брак князя Святослава с одной из дочерей христианского царя.

Царица Елена любезно улыбалась, не говоря ни слова; больше молчал и царь Константин, лишь изредка наклоняя голову в знак согласия со словами гостьи. Наконец во время одной из пауз Константин встал, и переводчик объявил, что решение василевса будет объявлено русской стороне в ходе последующих переговоров. В этот момент по знаку стольника-трапезита княгине поднесли усыпанную жемчугом золотую чашу с пятьюстами серебряными монетами – дар императора. Аудиенция была закончена.

Эпизод 14. Возвращение на родину

Стамбул, Босфор, Черное море

Возвращаясь в свои покои у св. Маманта, Ольга была задумчива. Ею владели противоречивые чувства. Хоть и велика честь, оказанная ей в царском дворце, но не видно было радости на лице Константина при разговоре с Ольгой-Еленой.

Предчувствия не обманули княгиню. Переговоры сразу же пошли очень трудно. Первым делом от лица императора было передано, что брак русского князя, пусть и крещеного, с порфирородной принцессой – дело немислимое и мечтать об этом – дерзость. Да, царь Роман выдал внуку за нынешнего царя болгар Петра, но она не была багрянородной, ведь и сам царь Роман не принадлежал к дому царей Василия и Льва, предков Константина, и потому не имел должного понятия о достоинстве василевсов.

Русское присутствие на севере Понта (Черного моря), утверждали далее греки, не соответствовало интересам империи. Принять же военную помощь Руси они рады и помочь в устройении церкви на Руси готовы.

Получив такой ответ, послы Святослава немедленно покинули Константинополь. Нового, более выгодного договора с ромеями явно не получалось.

Терпеливая Ольга билась до конца, проведя в Царьграде еще более месяца, но тщетно. Миновала середина октября, ждать долее было невозможно, так как в ноябре плавание по Понту из-за частых бурь становилось опасным. 18 октября, в 40-й день после первой встречи, состоялся заключительный прием русской княгини во дворце. На этот раз ей даже не удалось видеть императора – дело ограничилось обедом в покоях царицы. Денежные подарки купцам были уменьшены вдвое – по шести серебряных монет вместо прежних двенадцати, а самой Ольге выдали двести монет против прежних пятисот. Смешно и горько...

Немного утешил патриарх Полиевкт. Долго прощалась с ним Ольга после своей последней службы в великой церкви. Добрый старец, казалось, вполне понимал ее: «Чадю верное, во Христа крестилася еси, и Христос сохранит тебя. Дерзай, чадю! Трудна работа Господня».

Стоя на палубе своего корабля и глядя на медленно удалявшиеся стены Царьграда, Ольга мыслями была уже на Руси. Она еще не знала, что ждет ее там, не знала, что столкнется с упорным нежеланием оскорбленного сына принять святое крещение, с его упрямой дружиной, жаждавшей только одного – войны и добычи, с, казалось бы, полным крушением всех своих надежд. Но одно она все же знала твердо: главное уже совершилось, начало положено, а время у Руси есть. «Что ж, мы подождем, – говорила себе Ольга, – мы подождем и своего добьемся. Ибо где Крест, там и победа».

Эпизод 15. Храмостроительница

Киев, Псков

Ближайшие годы показали, что недаром у обеих высоких сторон осталась неудовлетворенность исходом переговоров. Недовольство Ольги явственно прозвучало в ответе, который она дала, уже по возвращении на родину, присланным от императора послам. На запрос императора относительно обещанной военной помощи святая Ольга через послов резко ответила:

«Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, тогда дам тебе воев в помощь». Не был решен вопрос и об учреждении на Руси церковной иерархии.

Впрочем, княгиня не унывала. Став христианкой, она ревностно предавалась подвигам христианского благовестия и церковного строительства. «Требища бесовская сокруши и нача жити о Христе Иисусе», – сказано в летописи.

Она воздвигает храмы: Святителя Николая на Аскольдовой могиле и святой Софии в Киеве, Благовещения Пресвятой Богородицы – в Витебске, Святой Живоначальной Троицы – во Пскове, над рекой Великой, на месте, указанном ей, по преданию, свыше, «лучом Трисиятельного Божества».

Важнейший памятник русского «монументального богословия», как называют церковное зодчество, связанный с именем Ольги храм Софии Премудрости Божией в Киеве, деревянный еще, заложенный вскоре по возвращении ее из Царьграда и освященный 11 мая 960 года. Этот день отмечался впоследствии как особый церковный праздник.

Ольга недаром получила в крещении имя святой равноапостольной Елены, обретшей Честное Древо Креста Христова в Иерусалиме. Главной святыней новосозданного Софийского храма стал Святой Крест, принесенный новой Еленой из Царьграда, полученный ею в благословение от константинопольского патриарха. Крест содержал частицу Животворящего Древа, на нем была надпись: «Обновися Русская земля Святым Крестом, его же прия Ольга, благоверная княгиня».

...Так ли оно было? Или это только благочестивое предание, окутавшее память о великой княгине? Бог весть. Но пусть даже и только предание, все равно оно право: свой крест Ольга на Русь принесла.

Эпизод 16. Поиск на Запад

Киев, Майнц, Трир, Регенсбург

Но ревнители языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подраставшего Святослава, решительно отклонившего уговоры матери принять христианство и даже гневавшегося на нее за это. Нужно было спешить с задуманным делом Крещения Руси. В поисках решения княгиня обращает взоры на Запад.

Никакого противоречия здесь нет. Ольга, жившая в середине X века, принадлежала еще к неразделенной церкви и вряд ли имела возможность вникать в богословские тонкости греческого и латинского вероучения. Противостояние Запада и Востока представлялось ей прежде всего политическим соперничеством, второстепенным по сравнению с насущной задачей – созданием Русской Церкви, христианским просвещением Руси.

...Под 959 годом немецкий хронист, именуемый «Продолжателем Регинона», записывает: «Пришли к королю послы Елены, королевы ругов (руссов), которая крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников».

Король Оттон, будущий основатель Германской империи, охотно откликнулся на просьбу, но повел дело не спеша, с чисто немецкой основательностью. Лишь на Рождество следующего, 960 года епископом

Русским был поставлен Либуций, из братии монастыря святого Альбана в Майнце. Но он умер в марте 961 года. Тогда на его место был посвящен Адальберт Трирский, которого Оттон, «щедро снабдив всем нужным» отправил наконец в Россию.

Возможно, у русско-германских переговоров был и другой аспект.

Приходилось ли вам видеть в музеях или археологических каталогах русские мечи IX, X, даже XI веков? Это на 90 процентов продукция рейнских, немецких мастерских. Импорт немецких мечей был основой военного могущества державы Рюриковичей.

В этом нет ничего обидного. Вся Европа – и викинги, и французы, и итальянцы – сражались тогда немецкими мечами: естественное разделение труда. Лишь со времени Ярослава Мудрого появляются собственные киевские мечи, ни в чем не уступающие европейским.

Проблема для Ольги состояла в том, что основные статьи киевского импорта, в том числе оружия, зависели от еврейских купеческих общин, державших в своих руках так называемый «Регенбургский торговый путь» и связанных с верхушкой Хазарского каганата. В условиях постоянных русско-хазарских войн обращение Ольги непосредственно к Оттону явно имело целью также и восстановление государственной монополии на торговлю оружием – в обход регенбургских посредников...

Трудно сказать, что случилось бы, не промедли король так долго, но, когда в 962 году Адальберт появился в Киеве, он «не успел ни в чем том, за чем был послан, и видел свои старания напрасными». Хуже того, на обратном пути «некоторые из его спутников были убиты, и сам епископ не избежал смертельной опасности».

Оказалось, что за прошедшие два года, как и предвидела Ольга, в Киеве совершился окончательный переворот в пользу сторонников язычества, и, не став ни православной, ни католической, Русь вообще раздумала принимать христианство. Языческая реакция проявилась настолько сильно, что пострадали не только немецкие миссионеры, но и некоторые из киевских христиан, крестившиеся с Ольгой в Царьграде. По приказу Святослава были разрушены некоторые построенные ею храмы.

Эпизод 17. Мать и сын

*Киев, Астрахань, Казань
Болгария*

Неудача с немецким посольством заставила Ольгу смириться с происшедшим и полностью уйти в дела личного благочестия. С ней по-прежнему считались, к ее государственной мудрости неизменно обращались во всех трудных случаях. Когда Святослав отлучался из Киева, а он большую часть времени проводил в походах и войнах, управление государством вновь вручалось княгине-матери. Но вопрос о крещении Руси был временно снят с повестки дня, что, конечно, огорчало святую Ольгу.

Она оставалась гордой и терпеливой, старалась помогать сыну в государственных и военных заботах, руководить им в героических замыслах. Победы русского войска были для нее утешением, особенно разгром давнего врага Русского государства – Хазарского каганата.

Дважды, в 965 и 969 годах, прошли войска Святослава по землям «неразумных хазар», навсегда сокрушив могущество хищных властителей Приазовья и Нижнего Поволжья.

Следующий мощный удар был нанесен по мусульманской Волжской Болгарии, потом пришла очередь Болгарии Дунайской. Восемьдесят городов по Дунаю было взято киевскими дружинами. Одно беспокоило Ольгу: как бы, увлекшись войной на Балканах, Святослав не забыл о Киеве.

Весной 969 года Киев осадили кочевники, и «нельзя было вывести коня напоить, стояли печенег на Лыбеди». Русское войско было далеко, на Дунае. Послав к сыну гонцов, святая Ольга сама возглавила оборону столицы. Святослав, получив известие, вскоре прискакал в Киев, «приветствовал мать свою и детей и сокрушался, что случилось с ними от печенегов».

Но, разгромив кочевников, воинствующий князь вновь стал говорить матери: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславле на Дунае – там середина земли моей». Он мечтал о создании огромной Русской державы от Дуная до Волги, которая объединила бы Русь, Болгарию, Сербию, Причерноморье и Приазовье и простерла свои пределы до самого Царьграда.

Мать понимала, что при всем мужестве и отваге русских дружин им не справиться с древней империей ромеев. Святослава ждала неудача. Но сын не слушал предостережений. Тогда Ольга сказала: «Видишь, я больна. Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь».

Эпизод 18. Смерть и бессмертие

Киев, памятник Ольге

Новгород, памятник 1000-летию России

Дни ее были сочтены. Ольга скончалась 11 июля 969 года, «и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки, и все люди».

Последние годы среди торжества язычества ей, когда-то гордой «архонтиссе», крестившейся от патриарха в столице православия, приходилось тайно держать при себе священника, чтобы не вызвать новой вспышки антихристианского фанатизма. Но перед смертью, вновь обретая прежнюю твердость и решимость, она запретила совершать над нею языческие тризны и завещала похоронить ее по православному обряду. Пресвитер Григорий, который был с нею когда-то в Константинополе, в точности выполнил ее завещание.

Как пророческий завет последующим поколениям она с глубоким христианским смирением исповедала веру о своем народе: «Воля Божия да будет! Аще восхощет Бог помиловати роду сего Земли Руския, да возложит на сердце им обратитися к Богу, якоже и мене Бог сие дарова».

При внуке, князе Владимире Красном Солнышке, когда совершилось Крещение Руси, мощи святой Ольги были перенесены в Десятинную церковь и положены в специальном саркофаге, в каких принято было класть мощи святых на православном Востоке.

«И ино чудо слышите о ней: гроб камен мал в церкви Святыя Богородицы, ту церковь создал князь Владимир, и есть гроб блаженныя Ольги. И на верху гроба оконце сотворено – да видати тело блаженныя Ольги, лежаще цело».

Но не всем было явлено чудо нетления мощей. «Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежаще цело и дивится чуду таковому – толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достойно похвалы всякое тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает. А другим, иже не с верою приходят, не отворится оконце гробное, и не видят тела того честного, но только гроб».

Не всякому отворяется оконце. Не всякому дано и сегодня в расхристанной, изверившейся, нравственно деградирующей на глазах стране прозревать и верить в возрождение Святой Руси – по заветам стоявшей когда-то у истоков русской державности и духовности святой равноапостольной Ольги.

Литература

Лисовой Н. Святыни Царьграда / Три Рима // Сост. Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. М., 2001.

Nikolay N. Lisovoy

Doctor of Historical Sciences

Alexander V. Nazarenko

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of the Center for the History of Religion and the Church, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Address: 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov st., 19

E-mail: avnazarenko-hist@yandex.ru

Equal to the apostles (a film about Holy Princess Olga)

Published below screenplay about St. Olga published below was completed by N.N. Lisovoy no later than April 6, 2005. The script is based on a text published by N.N. Lisovoy using materials from his closest friend, Doctor of Historical Sciences Alexander Vasilyevich Nazarenko in 2007 in the almanac “Klioniya”. In the script of N.N. Lisovoy reconstructs both the era itself and the specific events of St. Olga, especially in detail – held in July-October 969 of St. Olga in Constantinople. Nikolai Nikolaevich, given the peculiarity of the scenario genre, as it takes the reader (so that the director of the film could transfer the viewer) to Constantinople in 969, describing not only the memorable places visited by St. Olga, but also painting the characters, words and deeds of the saint and her interlocutors.

Keywords: Saint Olga, Lisovoy N.N., Kievan Rus, Baptism of Russia.

References

Lisovoy N. Shrines of Constantinople. Three Rome. Moscow, 2001.